

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

4 чм
P-3111

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИКАЖАМИ.

1859.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свѣш-
никова, Щепкина, Лоскутова, Улитина, Салаева,
Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова
и Коми.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. с. въ годъ.
Съ доставкой. 4 " "
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 " "
Съ пересылкою въ города. . . 5 " "

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: Рауть (Рис. А. И. Чередѣва). — Сцена изъ трагедіи Шиллера, «Димитрій Самозванецъ». Л. А. Мей. — Разказы отстав-
наго сыщика. I. — Гора Кикинеисъ (изъ Крымскихъ сопотвъ Мицкевича). П. В. Берга. — Съ французскаго. стих. Гр. Мамуны. — Рыцари
XIX вѣка. Алек. . . . — Листокъ замѣчательныхъ происшествій. — Стих. въ современномъ духѣ и вкусѣ. Б. А. — Выгоды важнаго чина. (Рис. В.
П. Рыбинскаго). — Норма. Ужасная повѣсть. — Мелочи. — Письма къ редактору. I. II. — Отвѣты редакціи. — Наши дебюгантки. (Рис. М. Пикколо).

РАУТЬ.

Und es wallet, und siedet, und brauset, und zischt.

Schiller.

По-персидски: баня.

По-японски: сумасшедшій домъ.

По-индѣйски: адъ.

По-туркменски: толкучій рынокъ.

По-еврейски: Содомъ.

По-китайски: пытка.

Примечанія для путешественниковъ, не знающихъ Россіи.

1) Когда рауть удастся въ такомъ совершенствѣ, какъ представлено здѣсь, хозяева на другой день вырастаютъ на полтора вершка, не смотря на необходимость исправленія мебели, стѣнъ, половъ и собственнаго костюма, — гости же проклинаятъ день своего рожденія и даютъ себѣ клятву не попадаться въ другой разъ въ стѣи столь усерднаго гостепримства; но, не бойтесь, при первомъ приглашеніи всѣ съѣдутся: падо же гдѣ-нибудь протолкаться вечеръ-то, похлопать глазами, показать звѣзды, лампасы, кринолины, бѣлыя, румяны, на-
колки, и т. д.

2) Когда такъ помѣщены въ острогъ арестанты, имъ предоставляется право принести жалобу прокурору.

СЦЕНА ИЗЪ ПОСЛѢДНЕЙ, НЕКОНЧЕННОЙ ТРАГЕДИИ
ШИЛЛЕРА

«Димитрій Самозванецъ» (*).

Монастырь. Бело-Озеро. Царица Марфа Ольга

Ольга.

Весна идетъ и зиму разбудила,
А у тебя къ ней сердце не лежитъ?
Вѣдь вотъ и солнце, да и ночь короче;
Ледъ ломится по рѣчкамъ и оврагамъ,
И сани — ужъ не сани — челноки,
И птицы перелетныя — вонъ тянутъ. . . .
Земля вздохнула; обновленный воздухъ
Всѣхъ выманилъ на монастырскій дворъ
Изъ душлихъ келій; только ты одна
Печальна, общей радости не дѣлишь.

Марфа.

Оставь меня, не покидай сестеръ.
Кому есть радость въ свѣтъ — есть надежда!
Мнѣ ничего не принесетъ весна:
Все прошлое, какъ слѣдуетъ, за мною.

Ольга.

Неужели ты вѣкъ не перестанешь
Оплакивать потеряннаго сына
И прежнее величье твое?
Я слышала, что время проливаетъ
Бальзамъ на раны сердца. отчего же
Оно безсильно только надъ тобой?
Была ты царства мощнаго царицей
И матерью цвѣтущаго младенца;
Онъ былъ случайно у тебя похищенъ;
Ты скрылася въ стѣнахъ монастыря,
Здѣсь, на предѣлѣ всякой жизни. . . . Что жъ?
Шестнадцать лѣтъ съ поры той миновало,
Шестнадцать разъ юнѣль Господній мѣръ
И измѣнялся — ты не измѣнялась:
Ты холодна, какъ памятникъ надгробный,
Обсаженный цвѣтами юной жизни;
Похожа ты на неподвижный обликъ,
Изваянный художникомъ изъ камня,
И навсегда однимъ запечатлѣнный.

Марфа.

Да, годы всю меня окаменили
На память о судьбѣ моей ужасной!

(*) Отрывокъ этотъ составляетъ отдѣльный эпизодъ. Весь переводъ уже напечатанъ и выйдетъ въ будущемъ январѣ вмѣстѣ съ другими переводами, составляющими 8-ую часть сочиненій Шиллера.

Я не могу ни сдвинуться съ благаго,
Ни позабыть того, что было прежде.
То сердце слабо, ежели ужъ время
Ему способно раны заживить
И замѣнить, что вѣкъ незамѣнимо.
Моей печали подкупить нельзя:
Какъ сводъ небесный путника повсюду
Сопровождаетъ, такъ и скорбь меня.
Она меня объяла, словно море,
И не изсякнетъ никогда отъ слезъ.

Ольга.

А! Посмотри: вонъ тамъ столпились сестры
Вокругъ мальчишки-рыбака. Онъ вѣсти
Принесъ намъ изъ далекой стороны,
Гдѣ есть жильё и люди. Посмотри же
Теперь отливъ и улицы свободны.
Уже-ль тебя не тянетъ любопытство?
Мы все здѣсь словно умерли для свѣта,
Но слушаемъ о немъ еще охотно.
Пойдемъ на берегъ: тамъ съ тобой мы можемъ
По жаромъ волнъ спокойно любоваться.

Л. Мен.

РАЗСКАЗЫ ОТСТАВНАГО СЫЩИКА.

(Продолженіе.)

Онъ улыбнулся и сказалъ:

«Если бы вы видѣли этого мастера и его соучастника, то никакъ бы не повѣрили, чтобы эти люди могли заниматься такою работою. Оба выѣденнаго яйца не стоятъ! одинъ изъ нихъ совершенный дуракъ и по уму, и по виду, а другой похожъ на огородное пугало; — ну да Богъ съ ними! всякому свое счастье; видно каждому злонамѣренному дѣлу есть свой конецъ, — пускай себѣ какъ знаютъ, такъ и отвѣчаютъ. Слушайте жъ: работа эта производится мѣщанномъ Н. за заставой, на мельницѣ, всегда почти въ полночь, въ самомъ верху, гдѣ когда-то была крыловая шестерня. Теперь ся тамъ пѣтъ, потому что мельница эта не дѣйствуетъ, и взобраться туда по лѣстницѣ надо съ осторожностію: это пхъ уловка на всякій случай; формы у нихъ, въ которыя отливается фальшивая монета, глиняныя, а не рѣзные на мѣди, и потому ихъ можно изломать въ одну минуту, да къ тому жъ и сами они каждый день дѣлаютъ новыя формы для отливки, выдавливая ихъ настоящими деньгами. Это все могу я объяснить вамъ потому, что мнѣ разсказывалъ объ этомъ товарищъ его, мой короткій пріятель, и просилъ меня о сбытѣ этой монеты, завѣряя клятвою, что онъ скорѣе согласится принять наказаніе, нежели меня выдать, — и вотъ это, что вы видите, даю мнѣ на пробу. А какъ я на это человекъ совершенно неспособный, и зная притомъ, что рано или поздно эти дураки попадутся,

тогда съ ними пропадешь, то я очень радъ былъ, что васъ встрѣтилъ. Во всякомъ случаѣ, я намѣренъ былъ самъ къ вамъ явиться и сказать объ этомъ.

«Дѣло это начать иначе нельзя, какъ только чрезъ какого-нибудь хорошаго вамъ знакомаго торговца, котораго я тотчасъ съ ними познакомлю, и тогда все пойдѣмъ какъ по маслу. Только смотрите, чтобъ парень былъ не трусъ и не дуракъ, — иначе все дѣло будетъ испорчено; ибо онъ долженъ будетъ эту монету отъ нихъ брать, выдавая имъ наличныя деньги и быть съ ними иногда въ компаніи, показывая себя совершенно къ нимъ расположеннымъ и готовымъ при случаѣ на всякое отчаянное предпріятіе. Учтите мнѣ васъ хоть и не приходится; но я говорю вамъ это для того, чтобъ вы не ошиблись въ выборѣ чловѣка, которому рѣшится это поручить, да притомъ и я не хочу остаться въ дуракахъ».—

На другой день у меня съ ними назначено было свиданіе на бульварѣ, куда я привелъ съ собой и хорошаго мнѣ знакомаго лавочника, чловѣка весьма умнаго, честнаго и находчиваго, который, при объясненіи моемъ этого дѣла, далъ мнѣ слово исполнить его со всею возможною аккуратностію.

При свиданіи нашимъ мы говорили мало, потому что было некогда, какъ ему, такъ и мнѣ; я передалъ незнакомцу этого чловѣка, съ которымъ онъ и отправился для знакомства съ известными лицами.

Два дня я не видалъ лавочника и не ходилъ къ нему, чтобы не повредить дѣлу, на третій день онъ самъ ко мнѣ явился съ нѣсколькими фальшивыми цѣлковыми, стариннаго чекана, и разсказалъ, что онъ познакомился почти коротко со всѣми, и вотъ какъ это было: «въ тотъ самый день, сказалъ онъ, когда мы съ вами разстались на бульварѣ, Яковъ (ими незнакомца), повелъ меня прямо въ ту самую харчевню, въ которой вы съ ними встрѣтились случайно въ первый разъ. Пришедъ въ нее, онъ тотчасъ послалъ за своимъ знакомымъ П..., который и не замедлилъ явиться. Поздоровавшись съ Яковомъ, онъ усѣлся, и между ними началось за часомъ разговоръ, при чемъ прежде всего Яковъ сказалъ ему о моемъ желаніи съ нимъ познакомиться, прибавивъ, что я чловѣкъ мертвый—тѣмъ пожемъ, кровь не поидетъ, а притомъ и изъ воды сухъ выльзетъ. Не знаю, какъ принялъ онъ этотъ отзывъ обо мнѣ;—но послѣ того спросилъ, гдѣ я торгую и съ кѣмъ живу? на что я разсказалъ все откровенно, прибавивъ еще о трудностяхъ торговли чловѣку безъ состоянія; онъ не отвѣчалъ ни слова, а сказалъ только, что *самъ разсмотритъ меня хорошенько*, а гдѣ, какъ и когда, того не объяснилъ; поэтому—то я, по совѣту Якова, къ вамъ и не приходилъ. Вчерашняго же числа часу въ 9 вечера, онъ, пройдя мимо моей лавки раза четыре взадъ и впередъ, вошелъ

наконецъ въ нее, и, увидавъ, что въ ней только мальчикъ да я, сказалъ мнѣ: «пойдемъ—ка пить со мною чай, куда-нибудь поскромнѣй». Мы и отправились въ одну изъ отдаленныхъ харчевень, гдѣ сидѣли только два неизвѣстные мнѣ чловѣка, новидимому извозчики. Усѣвшись за столъ и спросивъ чаю, онъ вынулъ изъ кармана вотъ этотъ самый свертокъ бумаги и подаль его мнѣ, говоря: «вотъ тебѣ покудова на пробу, а если что окажется сомнительнымъ, приноси ко мнѣ назадъ, я обмѣню.»—«А сколько нужно денегъ?» спросилъ я. «Да дай красненькую, если есть; послѣ сочтемся: другъ друга обижать не будемъ—мы одинъ другому пригодимся». Я, положивъ свертокъ въ карманъ, предложилъ ему что-нибудь выпить. «Хорошо бы пунштику или пивца», сказалъ онъ,—что мною тотчасъ и было потребовано. Выпивши порядкомъ, мы начали между собою говорить ужъ откровенно, выражаясь кое—какъ обиняками; я хотя и замѣтилъ, что онъ вдается уже въ совершенно откровенный разговоръ, по уже не боялся, что насъ пьяныхъ возьмутъ, пожалуй, въ часть и обыщутъ: ибо въ этомъ случаѣ я надѣялся на васъ и потому нилъ много, забывая о своемъ слабомъ здоровьѣ. Итакъ, между прочими разговорами, онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я ходилъ къ нему безъ опасенія во всякое время, потому что у него въ квартирѣ ничего не дѣлается, а работается все это въ такомъ мѣстѣ, куда есть ли и чортъ не знавши поидетъ, то непременно сломасть себѣ ноги. —» А если понадобится туда тебѣ итти, какъ же ты ходишь? —» спросилъ я. «Я то знаю, какъ туда итти,—надобно держаться крѣпче за веревку, протянутую сверху: не падѣйся на лѣстницы, поставленныя кое—какъ; когда тамъ у товарища моего производится работа, то онъ не дремлетъ и ухо держитъ остро, да притомъ у него всегда на сторожѣ внизу стою я,—а въ случаѣ стонѣть только дернуть за протянутую веревку, тогда и дѣло кончено—все полетитъ въ котель, и формы изломаются.»—«Да скажи мнѣ, Бога ради, откровенно, неужели онъ не боится, что объ этомъ узнаютъ полицейскіе и будутъ всячески слѣдить его?» — «Пожалуй слѣди! а что они возьмутъ, одно только и есть средство его поймать, если во время его отсутствія съ мельницы заберутся кверху днемъ, и залгутъ у него тамъ гдѣ-нибудь за пустые кули и мѣшки съ толченымъ мышьякомъ, который у него употребляется въ растоненный свинецъ для дробн-то; пожалуй, что и поймаютъ, а иначе нельзя: въ этомъ онъ увѣренъ. Да что объ этомъ толковать! Волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить». «Ну еще позволь мнѣ у тебя спросить, могу ли я эти деньги пускать здѣсь въ ходъ,—не вышло бъ изъ этого чего худаго?»—«Нѣтъ, своимъ близкимъ сосѣдямъ не пускай, а сбывай ихъ деревенскимъ мужикамъ, прѣзжающимъ съ овсомъ, мукою и крупомъ».

— «Да какъ же я это буду дѣлать? вѣдь мужики-то будутъ знать мою лавку». «А вотъ какъ: — у тебя есть короткіе пріятели и задушевные знакомые кулаки?» — «Есть. «Такъ вотъ и ладно: ты попроси ихъ для себя купить, пускай они отдадутъ за тебя выданныя тобою имъ деньги — и дѣло съ концомъ; ужъ конечно ты найдешь, что сказать; да и дѣлать надо это изрѣдка; а лучше всего, по моему, съ этими деньгами отправляться на своихъ лошадахъ въ дальнія губерніи по ярмаркамъ и тамъ ихъ сбывать». «Да развѣ вы еще ихъ не сбывали?» спросилъ я. — «Какъ не сбывать, сбывали чрезъ калачниковъ и саечниковъ около заставъ проѣзжимъ пьянымъ мужикамъ, только четвертаки да трехгривенные, — цѣлковыхъ-то еще вышло мало; а работать-то ихъ удобнѣе, да и пользы больше». Не зная, о чемъ еще начать разговоръ, я сказалъ, что пора намъ домой.

— «Пожалуй, отвѣчалъ онъ: и то пора, 11 часовъ, а мнѣ итти далеко». На дорогѣ я высказалъ ему, что я, по совѣту его, пожалуй отправлюсь въ Украину или куда-нибудь и въ другое мѣсто, только ужъ съ бездѣлицею ѣхать не годится, а пужно имѣть по крайней мѣрѣ тысячь пять рублей. — «Дѣло за этимъ не станетъ, лишь бы былъ матеріалъ.» «А сколько нужно матеріалу?» спросилъ я. — «Да пожалуй рублей на 50 серебромъ. А что есть развѣ у тебя лишнія деньги, такъ давай, съ завтрашняго же дня работа начнется и пойдетъ какъ по маслу».

— «Пожалуй, сказалъ я, только не сегодня, а завтра!»

— «Ну завтра, такъ завтра». И онъ простившись со мной, пошелъ совершенно пьяный, сказавъ, что будетъ ждать меня къ себѣ завтра утромъ съ деньгами.»

Вотъ что сообщилъ мнѣ лавочникъ.

На выдачу денегъ я не изъявилъ согласія, сказавъ, что это будетъ противузаконно. — «Постарайся такъ узнать, когда они будутъ работать изъ своего матеріала, а теперь отзовись, что, бывъ пьянымъ, ты обѣщался дать денегъ; но по своимъ тѣснымъ обстоятельствамъ этого исполнить не можешь».

Между тѣмъ я просилъ его, какъ можно стараться войти въ ихъ довѣріе и быть у нихъ на мельницѣ, чтобъ разсмотрѣть, въ чемъ заключается опасность и какъ можно ея избѣжать.

По прошествіи одного дня, лавочникъ пришелъ ко мнѣ рано утромъ, и объявилъ, что пройти не трудно, что онъ можетъ провести и меня туда, ибо видѣлъ, что одна только лѣстница снизу отнимается, — а прочія утверждены на переводахъ.

«Къ тому жъ я полагаю, сказалъ онъ, что у нихъ въ нынѣшнюю почъ будетъ работа, потому что П... обѣщавъ мнѣ сегодня принести въ 12 часовъ мелкой фальшивой монеты, а вечеромъ ему будетъ некогда».

Итакъ, не теряя времени въ бесполезныхъ дознаніяхъ, къ вечеру мы приготовились и для взятія ихъ приняты

были мѣры. Этого П... предположено было увести съ своего караула лавочнику, а тамъ, по указанію его, войти.

Все было удачно исполнено: мастеръ былъ взятъ на самомъ дѣлѣ,—и оба эти лица преданы суду. У послѣдняго жъ, П..., при обыскѣ, за голенищами сапогъ найдено было много мелкой фальшивой монеты. Дальнѣйшее слѣдствіе мнѣ неизвѣстно.

По окончаніи дѣла, считая обязанностію поблагодарить моего знакомаго незнакомца за его содѣйствіе, я отправился отыскивать его въ ту самую харчевню, въ которой мы съ нимъ встрѣтились въ первый разъ. Пришедши туда, я подозвалъ къ себѣ служителя и спросилъ его, не знаетъ ли онъ такого-то, и описавъ ему примѣты его, напомнилъ при томъ, что я съ нимъ пилъ у нихъ чай съ недѣлю тому назадъ.—«Знаю, отвѣчалъ мнѣ служитель,—это ямщикъ Яковъ Московскій». Нельзя ли позвать его ко мнѣ пить чай?—«Можно». И онъ, позвавъ мальчика, тотчасъ послалъ за нимъ. Спустя нѣсколько времени, посланный воротился и объявилъ мнѣ, что онъ не придетъ, потому что ему некогда. «А далеко ли онъ живетъ отсюда?» спросилъ я.—«Не далече». «А съ кѣмъ живетъ онъ?» «Съ братомъ и женою». Не входя въ дальнѣйшіе распросы, я отправился домой, обдумывая дорогою о причинахъ его отказа придти ко мнѣ. Пройдя одну изъ улицъ, я къ удивленію своему увидѣлъ его на углу, при поворотѣ въ другую улицу, гдѣ онъ, вѣроятно, поджидалъ моего прихода, ибо, не дожидаясь моего приближенія, пошелъ впередъ, какъ будто указывая мнѣ, куда мнѣ должно итти. Наконецъ, постепенно сближаясь со мною, онъ, не кланяясь мнѣ, сказалъ на ходу: «идите въ такой-то трактиръ,—я къ вамъ приду». Не зная, что подумать о его таинственности и предосторожностяхъ, я послѣдовалъ его указанію, и пошелъ въ назначенный имъ трактиръ. Тамъ я сѣлъ въ особенную комнату, полагая, что это будетъ для него пріятнѣе, въ чемъ и не ошибся, ибо, войдя ко мнѣ, онъ сказалъ: «вотъ это хорошо: мы одни, и можетъ свободно кой о чемъ поговорить».

Первыми словами моими была благодарность съ предложеніемъ ему 75 руб. серебромъ за его содѣйствіе. Но онъ отъ нихъ рѣшительно отказался, хотя былъ очень радъ тому, что дѣло было счастливо окончено. «Стало быть, я правъ,—сказалъ онъ;—а знаете ли, что я ежедневно паблюдаю за ходомъ этого дѣла и смотрѣлъ, какъ вы съ нимъ управитесь. Вѣдь народъ этотъ хоть и дуракъ, да трудно было къ нимъ добратъся, чтобъ подкараулить ихъ врасплохъ».

Тутъ между разговоромъ онъ сказалъ мнѣ еще объ одномъ преступникѣ, бѣжавшемъ съ поселенія и проживающемъ въ одной изъ отдаленныхъ частей города, подъ именемъ торговца коровами. Потомъ сталъ увѣ-

рять меня, что можетъ быть мнѣ полезенъ во многихъ случаяхъ, и просилъ меня убѣдительно никому не рассказывать о его знакомствѣ со мною и не стараться часто встрѣчать его, а въ особенности посылать за нимъ изъ той харчевни, гдѣ мы имѣли съ нимъ случайное свиданіе.

Разговоръ нашъ, касаясь многихъ удачныхъ мошенническихъ продѣлокъ, сообщилъ ему какое-то чувствительное настроеніе. Онъ схватилъ мою руку и, крѣпко пожавъ ее, сказалъ:

— «Мошенники они,—правда; а все таки они жалкіе люди! Что ждетъ ихъ впереди? извѣстно, какая ихъ доля. Но хотите ли узнать, какъ они подраздѣляются по своимъ промысламъ и дѣйствіямъ? Вамъ этого никто не объяснитъ, да и объяснять не захочетъ изъ опасенія къ самому себѣ. Потому—кто поручится за васъ, что вы, до сей минуты въ глазахъ моихъ хорошій человекъ, вдругъ Богъ знаетъ съ чего и обо мнѣ подумаете что-нибудь недоброе?... Простите мнѣ мою откровенность, а я, ей Богу, полюбилъ васъ, иначе бы ни за какія деньги не рѣшился рассказывать вамъ о томъ, что не только для какого-нибудь частнаго человека, но и для вашихъ начальниковъ составляетъ тайну. И такъ извольте слушать внимательно, вамъ это нужно на будущее время для обстановки вашей службы и для безошибочнаго узнаванія подозрительныхъ людей, такъ бы хитро они ни дѣйствовали.

И онъ началъ такъ:

— «*Карманники, жулики и ерши* — это все одно и то же; ихъ такъ называютъ по роду ихъ промысла. Они таскаютъ изъ кармановъ вещи, деньги и платки наудачу; видя васъ порядочно одѣтымъ, они тотчасъ окружаютъ васъ партією и жмутся къ вамъ, что дѣлаютъ болышею частію въ вѣ тѣснотѣ, но рѣдко на свободѣ, развѣ только замѣтить кого-нибудь или пьянаго, или невнимательнаго къ самому себѣ. У барыни какой-нибудь они отрѣжутъ ридикюль или карманъ, потому что при нихъ всегда есть маленькія англійскія пожницы, которыми перѣдко пересѣкаютъ у часовъ цѣпочки, сплунуть съ руки браслетъ, — и болѣе уже ни на какія другія продѣлки не рѣшаются. Въ этомъ классѣ, за исключеніемъ мужчинъ, есть много женщинъ, дѣвокъ, дѣвочекъ и мальчиковъ всякаго званія. Одни изъ нихъ бродятъ по улицамъ, рынкамъ, гуляньямъ, бываютъ въ церквахъ во время похоронъ, свадебъ и церковныхъ праздниковъ; другіе таскаются по кабакамъ, подивнымъ, харчевнямъ и вообще вездѣ, гдѣ только есть какая-нибудь возможность поживиться. Въ прежнее время у нихъ были свои условные знаки и слова; но теперь это почти вывелось. Такъ напримѣръ *притыривай* на ихъ языкѣ значить *сжимай*, или *подсоблай*; *стрѣма* смотреть, наблюдаютъ; *трѣкиулъ*—сорвался и проч.

Другой разрядъ ихъ—*домушники* и *подпольники*. Они также дѣлятся на партіи и ходятъ по лавкамъ, по домамъ, торгуютъ вещи, нанимаютъ квартиры, входя въ покои, спрашиваютъ о какомъ-нибудь небываломъ жильцѣ и воруютъ, что только глазъ завидитъ—шубы, пальто, бурнусы, салоны и проч. Въ театрахъ и маскарадахъ будто бы ошибкою падѣваютъ на себя чужія шубы, а свои оставляютъ. Входя въ переднюю и видя спящаго лакея или вовсе никого, хватаютъ на скорую руку, что попало. Кучерь зазѣвался—вытащутъ изъ экипажа, что тамъ случится. Квартиру придутъ нанимать — войдутъ къ вамъ въ комнату, — одинъ торгуется съ вами въ цѣнѣ, другой проберется между тѣмъ въ вашъ кабинетъ или въ другую комнату и утащитъ часы и какую-нибудь другую цѣнную вещь. Придутъ въ лавку, стараясь попасть въ обѣденное время или въ самый разгаръ торговли, и начнутъ требовать разнаго рода товаръ, разсматривать его, браковать, торговать за такую цѣну, за которую нельзя отдать его, а между тѣмъ другіе, стоящіе сзади этихъ покупателей, работаютъ ловко и проворно: прячутъ товаръ себѣ подъ полу и уходятъ изъ лавки. Этого мало: являютъ съ женами, будто пріѣзжіе изъ дальнихъ губерній, торгуютъ товаръ партіями, и до того прельщаютъ купца своею значительною покупкою, что онъ и не примѣтитъ, какъ у него утащутъ съ прилавка или дорогой воротникъ, или кусокъ матеріи. А то, пожалуй, явится госпожа съ многочисленнымъ семействомъ, въ сопровожденіи ливрейнаго лакея, и начнетъ копаться въ выложенномъ для нея товарѣ; тутъ работаютъ всѣ, отъ лакея до самой барыни, и купецъ долженъ смотрѣть въ оба. Этотъ классъ мошенниковъ заключаетъ въ себѣ людей разнаго званія, болышею частію промотавшихся въ распутной жизни (*).

(*) Здѣсь кстати будетъ рассказать объ одной недавней продѣлкѣ подобныхъ мошенниковъ у насъ въ Москвѣ. Г-жа М., вдова одного богатаго иностраннаго купца, сидѣла однажды утромъ въ своемъ кабинетѣ. Вдругъ докладываютъ ей, что къ ней пріѣхали какіе-то господа и желаютъ ее видѣть; она выходитъ къ нимъ въ залу и видитъ молодого человека, очень представительной и пріятной наружности, въ сопровожденіи хорошенькой молодой дамы. И тотъ и другой были одѣты очень прилично, даже изящно. Молодой человекъ рекомендуетъ себя г-жѣ М., какъ близкій знакомый ея покойнаго мужа, какъ одинъ изъ тѣхъ, кому онъ некогда оказалъ величайшее благодѣяніе; говоритъ съ глубокимъ чувствомъ и со слезами на глазахъ, что онъ, услышавъ о его смерти, счелъ долгомъ явиться къ его супругѣ, чтобъ выразить ей свое сердечное участіе въ ея не замѣнимой потерѣ. Онъ представляетъ ей жемчу свою и краснорѣчиво описываетъ то благодѣяніе, которое оказалъ ему покойный. Г-жа М., хотя и не могла припомнить ничего по-

«Теперь разсмотримъ дѣйствія *копкравцовъ*, или *скамеечниковъ* (*) и *лошководовъ*. Они дѣйствуютъ рѣдко партиями, но почти всегда поодиначкѣ, отъ чего кражи ихъ, или угоны лошадей, рѣдко бываютъ открываемы розыскомъ. У каждаго изъ нихъ есть подъ рукою знакомый барышникъ и живодеръ. Хорошая лошадь поступаетъ къ барышнику, а плохая къ живодеру, гдѣ ее, какъ тотъ, такъ и другой, держать у себя не станутъ: барышникъ отправляетъ ее тотчасъ же въ какой нибудь ближній городъ, а живодеръ, — если она совершенно плоха, — тотчасъ убиваетъ ее, а если еще годится, уводитъ до времени въ какую нибудь ближайшую деревню къ знакомому мужику. Народъ этотъ самый жалкій: бродитъ онъ иногда, но цѣлымъ днямъ не ѣвши, въ торговые дни — по рынкамъ, близъ заставъ и по дорогамъ, а не въ торговые — около трактировъ, кабаковъ, и другихъ торговыхъ заведеній, высматривая, нѣтъ ли

добнаго, но подумала, что это было одно изъ тайныхъ добрыхъ дѣлъ ея мужа, и была очень тронута какъ живымъ участиемъ къ ея потерѣ, такъ и глубокою благодарностию молодого человѣка. Она приглашаетъ его съ женою къ себѣ въ кабинетъ, садится съ ними на диванъ, и увлеченная печальнымъ воспоминаніемъ, проливаетъ слезы. Молодая чета говоритъ ей много утѣшительнаго и пріятнаго, и время летитъ незаметно. Но между тѣмъ, какъ молодой человѣкъ бесѣдуетъ съ г-жею М., его жена ходитъ по комнатамъ, разсматриваетъ картины, статуэтки и наконецъ напоминаетъ мужу, что пора ѣхать. Онъ встаетъ, убедительно проситъ г-жу М. навѣстить его и оставляетъ ей свой адресъ. Наконецъ они увѣжаютъ. Г-жа М. еще подъ вліяніемъ этой бесѣды, садится за рукодѣлье и мечтаетъ о пріятномъ знакомствѣ съ такимъ милымъ и образованнымъ семействомъ. Но вдругъ ей попадобились ножницы; она ищетъ ихъ и не находитъ; идетъ въ другую комнату и видитъ, что на уборномъ ея столикѣ чего-то недостаетъ; припоминаетъ себѣ, что на немъ лежало, и не находитъ часовъ, браслетовъ и еще кой чего изъ вещей своихъ. Она зоветъ горничную, спрашиваетъ ее о нихъ; та отвѣщается совершеннымъ незнаціемъ. Поиски продолжаются, но безъ успѣха. Подозрѣніе падаетъ, разумеется, на прислугу; всѣхъ переспросили, всѣхъ обыскали — все напрасно. Наконецъ Г-жа М. припоминаетъ себѣ, что ея утренняя гостья входила въ эту комнату, но никакъ не можетъ и подумать, чтобъ она взяла эти вещи. Однако она приказываетъ кучеру своему заложить лошадь и ѣдетъ отыскать своихъ знакомыхъ по оставленному ей адресу. Оказывается, что въ назначенной улицѣ никогда и не было такого дома, какой написанъ въ адресѣ, и г-жа М. убѣждается, что она сдѣлалась жертвою ловкихъ домушниковъ.

(*) Названіе *скамеечникъ* произошло отъ собственнаго ихъ выраженія. Они лошадей называютъ обыкновенно скамейками. «Что? скамейку столкнулъ?» говорятъ они, т. е. лошадь увелъ.

пьянаго мужика или извозчика, или кучера ротозѣя, забывшагося куда нибудь погрѣться или попить чайку. У нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣется дурманъ, настоянный въ вишѣ, которымъ они въ чаю или пивѣ опьяняютъ оплошавшаго. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: подъ видомъ идущаго въ какую нибудь деревню или городъ, скамеечникъ проситъ мужика или извозчика подвести его за гривенникъ, садится и по дорогѣ, подѣхавъ къ кабаку, угощаетъ его пивомъ съ примѣсью дурмана. Въ городъ же нанимаетъ извозчика довести его до какого нибудь трактира, заказываетъ тамъ чаю и приглашаетъ его съ собою для компаніи, а потомъ ѣдетъ съ нимъ далѣе и сбрасываетъ его, опьянѣвшаго отъ дурмана, гдѣ нибудь за городомъ или въ глухомъ переулкѣ. Но воровство скамеечника вообще болѣе случайное нежели обдуманное, ибо ему рѣдко случается увести лошадь изъ конюшни, развѣ кучеръ-мошенникъ согласится въ этомъ помочь ему. Этотъ классъ мошенниковъ состоитъ большею частию изъ негодныхъ кучеровъ, работниковъ и мужиковъ, съ малолѣтства приученныхъ къ этому промыслу. Изъ цыганъ рѣдко кто вдается въ это дѣло, потому что каждый изъ нихъ и безъ того вознаграждается деньгами отъ самихъ скамеечниковъ-барышниковъ за ловкость и хлопоты при продажѣ лошадей на конной.

«Еще есть разрядъ мошенниковъ, называемыхъ *попѣдушниками*. Они на поѣздѣ срѣзываютъ съ возовъ и экипажей разнаго рода вещи и товаръ, что дѣлается ими большею частию въ темныя ночи, по дорогамъ и около заставъ. Работа ихъ не сложная и не трудная; каждый имѣетъ при себѣ садовый пожикъ, а пожалуй на случай и отвертку. Прилѣпившись къ экипажу на заняткахъ, онъ подрѣзываетъ ремни или веревки, которыми прикрѣплены чемоданъ или сундукъ, и потомъ соскакиваетъ долой, будучи увѣренъ, что эта вещь стрясется сама собою на поѣздѣ: за тѣмъ онъ и бѣжитъ вслѣдъ за экипажемъ, поджидая, когда она свалится на дорогу. Этотъ разрядъ мошенниковъ состоитъ изъ людей, которые привыкли терпѣливо переносить всякую крайность, и не роншутъ, если промокнутъ до костей, но колѣна въ грязи и не имѣютъ почлега. Украденное ими тотчасъ же сбывается, за что понало, барышнику или знакомому лавочнику, охотно покупающему краденныя вещи. Лавочники по добнаго рода имѣютъ большею частию табачныя, мелочныя и полновѣсныя лавки, или торгуютъ желѣзомъ и разнымъ старьемъ.»

Тутъ мой разскащикъ остановился, обѣщавъ сойдтись со мною черезъ два дня въ этомъ же мѣстѣ и разсказать объ особомъ разрядѣ мошенниковъ, называемыхъ *забиротами* и *громилами*, еще болѣе опасныхъ, чѣмъ первые.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГОРА КИКИНЕНСЪ.

(Изъ Крымскихъ сонетовъ Мицкевича.)

Мирза.

Взгляни на небеса, лежащія внизу —
То море! А надъ нимъ, какъ завѣса тумана,
Какъ черное крыло у птицы-великана,—
То мчатся облака, несущія грозу!

Подобно островамъ плывутъ они подъ нами,
Увлаживая долъ серебряной росой;
Вдали невѣрный блескъ играетъ временами
И рвжетъ небеса огнистой полосой —

То молнія!. . Смотри: я кинусь черезъ бездну,
За ней, на той скаль, нищи меня съ конемъ!
Но если предъ тобой внезапно я исчезну, —
То знай, что никому не вздять тѣмъ путемъ!

Н. Бергъ.

(Съ французскаго.)

О, если бь знала ты, какъ много я страдаю,
Когда увижу, что въ толь блестящей ты
Сидишь задумчива, какъ я тогда желаю
Изгладить слезъ твоихъ недавнiе слѣды....
И какъ за то потомъ мнѣ тяжело и больно,
Когда приходится увидѣть, что судьбой
Своей ты счастлива, что жизнью ты довольна,
О, нѣтъ! Бѣги меня, тогда я недругъ твой....
Въ твоемъ веселiи упрекъ себѣ я вижу
И все, что такъ любилъ, въ тебѣ я ненавижу.

Гр. Ив. Мамупа.

Рыцари XIX-го вѣка.

Скука провинціальной жизни загнала насъ нѣсколько недѣль тому назадъ въ одну изъ гостиницъ для прѣзжающихъ, сыграть нѣсколько партій на билліардѣ. Дѣло было вечеромъ часовъ въ 9-ть. Не успѣли мы съ приятелемъ сыграть и трехъ партій, какъ въ комнату, звеня саблей и шпорами, влетѣлъ молодой человекъ лѣтъ 18, въ мундирѣ гусарскаго юнкера, размахисто разстегивая свой мундиръ и галстухъ. За нимъ важно ввалился другой человекъ, довольно полный, лѣтъ 25, съ французской козлиной бородкой и вползло какоето черномазое, приземистое существо, лѣтъ 50, съ лицомъ обросшимъ волосами. Перваго узнать было легко, втораго мы приняли за француза, а третьяго за факгора-еврея. По справкамъ оказалось, что первый — тупица-недоросль

изъ стараго рода, очень богатаго; второй — тоже изъ военныхъ, только въ отставкѣ; а третій — деревенскій помѣщикъ. Боевой юноша, ни съ того ни съ сего, тотчасъ же закричалъ: шампанскаго! и заговорилъ съ своими спутниками по французски, вѣроятно желая тѣмъ и другимъ способомъ бросить пылъ въ глаза неизвѣстнымъ людямъ, которые, преспокойно покуривая сигары, допгрывали свою партію. Новая компанія услась и младшій рыцарь тотчасъ же завелъ громкiй разговоръ о недавнемъ своемъ подвигѣ. Въ уѣздномъ городѣ Т... онъ съ какой-то аристократкой-дамой пришелъ къ садовнику что-то покупать и безъ церемонiи началъ покрикивать на хозяина, говоря ему: *ты*. Хозяинъ, какъ видно изъ разсказа, оскорбился и поймавши полуграмотнаго юношу на одномъ глупомъ вопросѣ, преспокойно высказалъ ему, что онъ глупо рассуждаетъ. Заиграла благородная кровь, развернулась рыцарская рука, и полетѣла садовнику-кунцу въ лицо полновѣсная пощечина, да еще какая! Самъ юноша, катаясь со смѣху, не могъ довольно надивиться необычности своего удара. Кунецъ слетѣлъ съ ногъ и кубаремъ прокатился по своей лавкѣ между храбрымъ рыцаремъ и его дамой. Дама огматнулась въ сторону и неизвѣстно, осталась ли довольна этимъ сюрпризомъ. Если она получила такое же воспитанiе, какъ ея спутникъ, и привыкла своеручно расправляться съ своими служанками, то нечего и говорить; но если нѣтъ, то любознательно было бы знать, что она сказала и сдѣлала въ этомъ неожиданномъ обстоятельствѣ. «А все вѣдь каналья заважничалъ отъ того, что весь городъ его уважаетъ, что онъ имѣетъ капиталъ и держится какъ благородный и все ему говорятъ: *вы*. Я сразу сбиль ему спѣсь, и теперь съ какимъ почтенiемъ онъ со мной раскланивается и со всеми сталъ тише воды, ниже травы.» Такъ объяснялъ молодой рыцарь свой удачный подвигъ. Спутники съ необыкновеннымъ вниманiемъ и почтенiемъ слушали этотъ разсказъ. Французскозлпная борода, изъ соревнования нустился даже самъ разсказывать одинъ подобный случай въ Эльдорадо въ Москвѣ, гдѣ онъ кутилъ съ своей компанiей. Дѣло въ томъ, что одинъ какой-то постороннiй госнодникъ остался среди ихъ компанiи; его попросили удалиться, это было уже поздно, когда вся публика разошлась и разѣхалась; тотъ почему-то не хотѣлъ и оставался сидѣть на стулѣ, а чтобы отъ него отвязался, то сказалъ, что онъ членъ тайной полицiи. Одинъ изъ рыцарей компанiи, не долго думая, схватилъ стулъ и ударилъ имъ неизвѣстнаго, и тоже, по разсказу козлиной бороды, ударъ былъ такъ силенъ, что неизвѣстный полетѣлъ вмѣстѣ съ своимъ стуломъ. Черномазое существо, слушая разсказы объ этихъ подвигахъ, отъ удивленiя къ ихъ совершителямъ, только хлопало глазами и что-то мычало. Можетъ быть, и оно въ

свою очередь тоже рассказало бы что нибудь въ родѣ описанныхъ подвиговъ, но наша партія кончилась, и мы рѣшились по добру по здорову убраться отъ этихъ наѣзниковъ домой. Выходи изъ дверей, мы услышали рѣзкій приказъ юнѣйшаго рыцаря запереть двери для непосвященныхъ. Идя домой, мы съ пріятелемъ перекинулись пѣсколькими замѣчаніями на все, только что видѣнное и слышанное нами, и съ тяжелыми и грустными думами отправились въ свои жилища. Эти до мозга костей испорченные юноши и ихъ компаньонъ, годящійся имъ въ отцы, и до сихъ поръ не могутъ выдти изъ головы моей. Что, если такіе рыцари не составляютъ исключенія въ молодомъ поколѣніи? Какого добра можно отъ него ждать для отечества? И неужели литература, такъ часго выводящая ихъ на сцену, останется голосомъ, вопіющимъ, въ пустынь?

Тверь
13 ноября.

Алек.

Листокъ замѣчательныхъ происшествій.

Поступило въ печать разсужденіе доктора физиологій, психологій и палеонтологій Кюнштейна: «О движеніи высшихъ животныхъ», въ которомъ съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ объясняется, почему человекъ отъ рожденія своего растетъ все вверхъ, а не внизъ и не въ сторону. Главною причиною тому, между прочимъ, служитъ вертикальное положеніе человека. Но если бы, говоритъ авторъ, люди сохраняли постоянно горизонтальное положеніе, то они вздулись бы, какъ тѣсто.

У насъ въ Москвѣ недавно обожгло молвіей лицо осмидесятилѣтней дѣвочки Августы Фрау, отчего кожа ея выворотилась на изнанку и стала такъ же свѣжа и молода, какъ въ осмнадцать лѣтъ.

Недавно поезду желѣзной дороги угрожало большое несчастіе. Провѣзжавшіе вагоны раздавили беременную медвѣдницу, не успѣвшую отъ испуга перебѣжать дорогу. Вечеромъ того же дня, медвѣдь, — какъ надо полагать, мужъ убитой медвѣдницы, — нашелъ тѣло ея и въ отчаяніи изломалъ все рельсы, вытащивъ ихъ изъ земли. Но счастію, надзорщики успѣли исправить поврежденіе къ определенному часу.

Попытки подводнаго телеграфа между Англіей и Америкой оказались неуспѣшными. Нынѣ лордъ Уичвелдъ представилъ проектъ проведенія проволоки кратчайшимъ путемъ, просверливъ для этого насквозь землю. Проектъ этотъ былъ принятъ большинствомъ голосовъ и правительство Британіи приступило къ вычисленію угла, подъ которымъ долженъ быть направленъ буравъ у подножія статуи герцога Велингтона.

На дняхъ мы получили слѣдующее письмо:

М. Г.

«Потребности настоящаго времени невольнo заставляютъ высказываться каждаго благомыслящаго человека въ виду общественной пользы. У меня есть то же свои идеи, которыя могутъ способствовать прогрессу. На первый случай я сообщаю вамъ одну. Вамъ, вѣроятно, случалось видѣть ночью пожаръ издали? Вы замѣтили, что часть неба всегда бываетъ до того освѣщена ярко, что отражаетъ свѣтъ на значительное разстояніе и освѣщаетъ все улицы. Я хочу попробовать освѣщать этимъ воздушнымъ ограженіемъ городъ. Я полагаю устроить въ центрѣ Москвы печь въ видѣ пустаго цилиндра съ параболическою камерою, открытою сверху, въ которой будетъ поддерживаться яркое пламя. Это пламя отразится отъ облаковъ и фонари не будутъ нужны. Но такъ какъ такое предпріятіе требуетъ не одной моей доброй воли, поэтому я покорнѣйше прошу васъ, м. г., дать этому письму гласность, если найдете мою идею заслуживающею вниманія».

Н. Цыкинъ.

Говорятъ, что Вобану пришлось атаковать крѣпость своей постройки. Репутація его неминуемо должна была бы погибнуть: или какъ инженера — если бы онъ успѣлъ взять крѣпость, — или какъ маршала — если бы онъ не могъ ея взять. Геній этого человека вывелъ его изъ затруднительнаго положенія: онъ изобрѣлъ рикшетные выстрѣлы — и слава его, какъ маршала и инженера, не помрачилась. Подобное обстоятельство случилось съ однимъ искуснымъ адвокатомъ, который приводилъ къ окончанію одно спорное дѣло. Противники предложили ему значительную сумму и онъ перешелъ на ихъ сторону, не оставляя впрочемъ прежнихъ клиентовъ. Объ тяжущіяся партіи, конечно не могли выиграть, и потому ему предстояло проиграть непремѣнно процессъ, съ которой нибудь стороны, чего не случалось съ нимъ во всю жизнь. Для избѣжанія такой катастрофы, онъ повернулъ дѣло такъ ловко, что объ противныя стороны оказались одинаково правыми и, при этомъ убѣжденіи, сами отказались отъ дальнѣйшаго судопроизводства.

Въ Англіи судили одного вора и приговорили его къ вислицѣ. Но за нѣсколько дней до казни подсудимый заболѣлъ и потому поручили его попеченію врача. Когда больной выздоровѣлъ, докторъ извѣстилъ объ этомъ судъ слѣдующими словами: «Арестантъ NN. совершенно оправился отъ болѣзни и можетъ быть повѣшенъ безъ вреда его здоровью».

Одинъ очень толстый го подинокъ, поскользнувшись, упалъ на улицу, и не имѣя возможности встать безъ посторонней помощи, просилъ проходившаго помочь ему. «Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ тотъ, — только потрудитесь перейти на сухое мѣсто, здѣсь очень грязно».

СТИХОТВЕРЕНИЯ

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ДУХЪ И ВКУСЪ.

V.

ПЬСНЯ ГОНДОЛЬЕРА.

ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ.

Амина! Я съ тобой лукавилъ:

Я пьяный нищій, я лютяй;

Я презирать себя заставляй,

Но ты меня не презирай!

Въ душѣ я право добрый малый;

Я лгалъ, но лгалъ, тебя любя;

Я негодяй, я плутъ, пожалуй, —

Я воръ, но — я люблю тебя.

Б. А.

VI.

ПОДРАЖАНИЕ СТИХОТВЕРЕНІЮ ЛЕРМОНТОВА:

«Выхожу одинъ я на дорогу».

Я доволенъ и счастливъ на службѣ,

Казначей предо мною дрожить,

Стряпчій тихъ, прокуроръ со мной въ дружбѣ,

И начальникъ со мной говоритъ.

Грудь моя украшена роскошно

И медалями, и пряжкой, и крестомъ,

Отчего жъ въ присутствіи мнѣ тошно?

Жду ль чего? жалю ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ службы ничего я,

И не жаль мнѣ совѣсти ничуть, —

Я хочу отставки и покоя,

Я хочу отъ дѣла отдохнуть.

Но не чистой жажду я отставки:

Я бѣ все числиться желалъ и состоять,

Чтобы шли чины мнѣ и прибавки,

Чтобъ кресты и ленты получать!

Б. А.

VII.

ДАРЫ ПРЕДСЪДАТЕЛЯ.

ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ.

Предсѣдатель воевъ, злобень,

На чиновниковъ своихъ:

Бурь гнѣвъ его подобень;

Слезы капаютъ у нихъ.

Но въ коляску помѣщаясь,

Онъ любезный принявъ видъ,

И лукаво улыбаясь,

Къ Мишѣ Карловичъ летитъ.

Прилетѣлъ... Она въ кровати...

«Мина, встань, прижми къ себѣ!

Утомился я въ Палатѣ —

Отдохнуть пришелъ къ тебѣ.»

Но, склоняся на подушку,

Притворясь, что будто спитъ,

На свою милашку-душку

Злая Мина не глядитъ.

«Я привезъ тебѣ гостинецъ,

То гостинецъ не простой,

Вотъ колечко на мизинецъ —

На колечкѣ вензель мой.»

Но, склоняся на подушку,

Мина смолкла, будто спитъ,

На свою милашку,-душку

Разсердилась — не глядитъ.

«Слушай, Мина, даръ солидный,

Завтра будетъ къ вамъ чѣмъ свѣтъ,

Пара сврыхъ, кучеръ видный

И лихой кабриолетъ».

«Бишь... ошибся я... коляска —

И какая, просто рай,

И покойна, и не тряска —

Хоть по пашнѣ поѣзжай.»

«И никто не отгадаетъ,

Гдѣ досталъ я этотъ кладъ...

Лишь купецъ про это знаетъ,

Что съ казной имѣлъ подрядъ.»

И погибшее созданье

Поднялось при сихъ словахъ;

Замерло у ней дыханье,

Алчность вспыхнула въ глазахъ.

Воплотилась передъ нею

Задуманная мечта...

Мина бросилась на шею

Умиленного скота.

Б. А.

VIII.

ПОЭТЪ.

ПОДРАЖАНИЕ ЛЕРМОНТОВУ.

Сидитъ пита одинокій

Въ чуланѣ темномъ и сыромъ.

Что такъ задумался глубоко?

Что такъ согнулся надъ столомъ?

Всѣ продаютъ за деньги чувства,

Всѣ въ поясъ гнутся предъ толпой,

А онъ — искусство для искусствъ —

Стоитъ за принципъ отставной.

Все меркантильнымъ духомъ дышетъ,
Всякъ даромъ не отдастъ блохи,
А онъ, дуракъ, стихи все пишетъ,
Какъ будто платятъ за стихи!

Б. А.

НОРМА.

Ужасная повесть,

заимствованная изъ либретто оперы г. Беллини.

Въ Галліи, въ тѣ времена, когда Луи Наполеонъ не былъ не только еще законнымъ императоромъ, но даже и президентомъ, жила-была нѣкоторая Норма. Она зашибала копейку въ званіи верховной жрицы какой ни на есть благочестивой богини, и пользовалась наилучшею репутаціею, хотя въ нѣкоторыхъ кружкахъ и утверждали за вѣрное, что она не православная христіянка.

Должность ея состояла въ томъ, чтобы кривымъ пожемы скоблить мохъ съ нарочно для того устроеннаго дерева, раздувать огонь, горѣвшій на жертвенникѣ, и пѣть *Casta diva*. Земная любовь и бракъ были ей нарочито возбранены.

Тѣмъ не менѣе верховная жрица имѣла двухъ дѣтей, — обстоятельство, возбуждающее наше сердечнѣйшее участіе и заставляющее бросить глубокій взглядъ на дружеское отношеніе, въ которомъ состояла Норма къ римскому офицеру и рыцарю—господину Северу.

Господинъ Северъ посѣщалъ палатку Нормы въ продолженіе пяти лѣтъ (старшему изъ дѣтей верховной жрицы было четыре года съ четвертью) — и о томъ не знали не только Галлы, но и Галки. А также и ближайшіе сосѣди Нормы не догадывались о присутствіи сихъ двухъ невинныхъ червей. По каковому поводу, и не теряя изъ виду, что въ ту отдаленную эпоху полицейское образованіе не дозрѣло до совершенства, въ какомъ нынѣ сіяетъ въ Галліи, мы можемъ и должны предположить существованіе между господиномъ Северомъ и дѣвицею Нормою того, что въ политикѣ называется *entente cordiale*.

Тѣмъ гнуснѣе является намъ рыцарь Северъ, когда мы внезапно застаемъ его дѣлающимъ любовныя предложенія прехорошенькой молоденькой жрицы, по имени Адалгизъ, въ совершенномъ одиночествѣ приносящей жертву въ лѣсу! И вдругъ, мы слышимъ, онъ склоняетъ ее бросить свои кондичія и слѣдовать за нимъ въ Римъ, городъ изъ городовъ, и поетъ невинной дѣвицы: «Любовь всегда великое рождаетъ», между тѣмъ какъ самъ очень хорошо знаетъ, что

любовь родитъ и маленькое! Это съ его стороны ужъ совсемъ не по рыцарски!

Мы имѣемъ самыя достовѣрныя дипломатическія извѣстія, что Адалгиза сопротивлялась. Но въ здѣшнемъ мірѣ всему есть конецъ, стало быть и сопротивленію. Адалгиза, случайно приглашенная къ Нормѣ на кофей (дѣти въ это время оставались въ дѣтской), призналась верховной жрицѣ, что она любитъ, и униженно просила начальницу не отказать ей въ отпущеніи столь нечестиваго заблужденія, на что Норма, при громкой пульсаци собственной совѣсти, и снизошла. «Но, спросила она Адалгизу, отпечатывая на ея дѣвичьемъ челѣ вѣжливѣйшій изъ сестриныхъ поцѣлуевъ — кто твой предметъ?»

Въ эту минуту вошелъ въ комнату рыцарь Северъ.

«Вотъ онъ!» воскликнула Адалгиза, въ то время какъ грудь ея вздымалась какъ море отъ бури.

Перу нашему, слишкомъ слабому, не изобразить ужасъ послѣдовавшей сцены во всей его истинѣ! «Какъ! возопила Норма, изступленно вскочивъ, и пропѣла коварному рыцарю невѣроятныя слова:» Ты! незаконный отецъ моихъ двухъ дѣтей!» съ такою силой, которая сбила бы съ толку самый густой басъ, не то ужъ что слабый теноръ. Северъ принялся вторить, Норма кричала, Адалгиза раздирала сердце всякаго, кто ихъ слышалъ. Шумъ поднялся такой, что нянька, презрѣвъ барское приказаніе и забывъ все извѣстныя читателю деликатныя обстоятельства, выскочила въ комнату, гдѣ онъ происходилъ, а за ней выбѣжали дѣти, бросились прямо къ отцу, и запищали по-латынѣ: «Тятецька, а монпансье принесть?»

Конецъ этого потрясающаго событія не менѣе ужасенъ. Адалгиза на другой же день пріобрѣла двухъ дѣтей: именно Норма своихъ отдала ей на воспитаніе, которымъ записаться ей самой уже было некогда, такъ какъ Галлы осудили ее вмѣстѣ съ рыцаремъ Северомъ на сожженіе, и она неразлучно съ нимъ сгорѣла.

Разстроганный, конечно до слезъ, читатель быть можетъ не вывелъ изъ этой исторіи должнаго правоученія. Вотъ оно: Нѣтъ той предосторожности, которою бы имѣли право пренебрегать верховныя жрицы въ отношеніяхъ своихъ къ гг. военнымъ. Если же что-нибудь въ состояніи хотѣ отчасти примирить насъ съ развязкою подобныхъ происшествій, такъ это единственно успѣхъ просвѣщенія въ наше время и статистическая увѣренность, что у насъ, гдѣ бы ни загорѣлось, сейчасъ прискакиваетъ пожарная команда, а слѣдовательно, павшая верховная жрица и невѣрный рыцарь не могутъ сгорѣть до тла, хотѣ бы жизнь ихъ и была застрахована въ Обществѣ Страхованія Капиталовъ и Доходовъ.

Выгоды важнаго чина.

(Рис. В. П. Рыбинскаго.)

Купецъ. Свадьбу, почтенный, сотворить желаемъ, да чтобы въ нось всему городу ударила.

Кондитеръ. Это можно-съ. Мы этимъ руководствуемъ. А на сколько персонъ прикажете?

Купецъ. Да ужь валий на двѣсти.

Кондитеръ. Съ генераломъ-съ?

Купецъ. Знаю дѣло, съ генераломъ. Да ты гляди по-значительнѣй, съ кавалеріей чтобы съ широкой.....

Слуга. Ваше превосходительство, на свадьбу съ вечернимъ столомъ спрашиваютъ.

Генераль. Къ кому?

Слуга. Къ Ронкову-съ. Первогильдейскій, говоритъ.

Генераль. А деньги принесъ? Да чтобы всѣ впередъ—23 р На-медни двухъ съ полтиной не додалъ, каналья.

Письма къ редактору.

I.

Милостивый государь!

Движимый поучительнымъ примѣромъ старшихъ по чиноначалю, желаю огласить на весь православный міръ, что я, въ продолженіе почти 63-хъ лѣтъ моего житія:

1) Табакерокъ и носовыхъ платковъ не крадь.

2) Гдѣ пиваль чай въ прикуску, оставшіеся отъ прикусыванія кусочки сахара не уносилъ съ собою, а клалъ на чашку, предварительно обративъ оную дномъ на солнце.

3) Когда находилъ на улицѣ клокъ сѣна, полтно, пуговицу, булавку, конвертъ,—представлялъ всѣ подобныя предметы въ ближайшую будку.

О такомъ моемъ безпорочномъ поведеніи, съ одобренія его сиятельства князя Автомата Терепитиновича Повчихаева, прошу васъ объявить чрезъ вашъ журналъ.

Глицерій Фіялкинъ,
провинціальный секретарь.

II.

Ваше Высокоблагородіе,

Господинъ сачинитель и Кавалеръ!

Какъ нынче всѣ большія чиновники публикуютъ про свою честность, но вѣки нерушимую, желаю и я, Ваше Высокоблагородіе, объявить, что ни въ чѣмъ за тридцати-пятилѣтнюю свою службу штрафованъ не былъ, довольно того, какъ изъ Нешлотскаго Егерскаго полку по неблагонадежности отчисленъ, и розокъ на себе не выдывалъ, потому частный у насъ и квартальные господа добрыя, дай Богъ здоровье. А ежели какая гдѣ провинность подъ шумогъ случится, то кто Богу не грешень, Царю не виноватъ, сами вы, Ваше Высокоблагородіе, извѣстны.

Хожалый Умой-Рыло.

А за неумѣиємъ его грамотъ писарь Бѣшепковъ писалъ и руку приложилъ.

Г. Орѣль.
25 ноября 1859.

М Е Л О Ч И.

Отвѣты редакціи.

Нѣкто получилъ письмо съ слѣдующимъ предложеніемъ :
«прошу васъ съ первою почтою извѣстить меня, живы ли вы или нѣтъ ; потому что, въ случаѣ вашей смерти, я приму другія мѣры».

Одинъ докторъ, у котораго умеръ богатый пациентъ, получилъ вскорѣ послѣ того коробочку съ прекрасною золотою табакеркой, на крышкѣ которой было вырѣзано: «Доктору... благодарные наследники NN».

Г-жа Дмуской, въ Вельскѣ. Редакція честь имѣетъ васъ уведомить, что она распорядилась высылкою вамъ 43 и 44 номеровъ «Развлеченія», не доставленныхъ вамъ по неисправности почтовой конторы. Что же касается до того, что одинъ номеръ былъ доставленъ вамъ разрѣваннымъ и испачканнымъ, въ этомъ виноватъ не книжный магазинъ *Θ. О. Свѣшникова*, а та же почтовая контора.

Л. О. Левандъ, въ Минскѣ. Разсказъ, доставленный вами, не можетъ быть напечатанъ въ «Развлеченіи». Редакція, не имѣя возможности пересылать статьи по почтѣ, проситъ васъ поручить кому-нибудь взять вашу рукопись.

Нѣкоторыя изъ нашихъ дебютантокъ нынѣшней зимы.

Х о р ъ.

Нѣтъ ни кожи въ насъ ни рожи,
Люди говорятъ, —
Но за то у насъ въ прихожей
Дворня цѣлый штатъ.

Пусть не можемъ мы по-русски
Строчки написать,
Но за то мы по-французски
Знаемъ лепетать.

Замужъ, ради капитала.
Выйдемъ мы какъ разъ: —
Или олуховъ не стало
На Руси у насъ?

«Развлеченіе», получая отовсюду самыя печальныя извѣстія объ урожаяхъ, предлагаетъ своимъ иногороднымъ подписчикамъ мужеска пола, не связаннымъ узами законнаго брака, пожаловать поправлять свои дѣла въ Москву посредствомъ женитьбы. Съ этою цѣлю и прилагаются нами обращения тѣхъ благополучій, на которыя могутъ разсчитывать искатели невестъ. Для иногородныхъ незамужнихъ особъ женска пола мы имѣемъ въ виду представить въ непродолжительномъ времени группу вакантныхъ жениховъ.

Редакторъ *Θ. Миллеръ.*